

Е. Я. АРХИППОВ

Коктебельский дневник 1931 год

<Фрагмент>

Поэт, мудрец, дитя (Ризы и маски).

Самое трудное говорить об образе Максимилиана Александровича. Более всего поражает при первой встрече это совмещение лиц в одном образе: львиная усталая голова, осанка апостола, отблики скифской хитрости и лицо-изваяние седого огня.

Издали может на мгновение удивить массивность, грузность, тяжесть. Но вблизи: вот эта улыбка, сдержанная, но вместе ясновзорная, вот этот голос, идущий изнутри, поставленный в каком-то святилище — все вместе: и голос, и улыбка, и взор так просвечивают, такими снопами потаенных лучей озаряют плоть, что плоть не видишь. Перед тобой — не полный человек, а легкий миф, увитый и укрытый золотыми тяжелыми ризами.

*Остатный меж волхвами.
Торжественное облако царящее.*

А риз, драгоценных риз на нем действительно много... И этих риз не может закрыть никакой максимально упрощенный коктебельский костюм, соединяющий в себе элементы эллинства и славянства. Ни широкая голубая блуза, ни легкая рубаха подпоясаная шнуром, не могут закрыть строгих апокалиптических одежд шелестящей парчи Малармэ, тугого шелка Барбэ де Оревилли и хитона апостола.

Простейшая маска, открываясь таит за собой редчайший реестр священных масок. Масок много — глаза одни... Но и они, конечно, не открывают перед Вами тайное тайных. Опять — первое — влекущее впечатление. Счастливые, сияющие, чистые глаза ребенка. Редкий цвет, редкие хрусталики — вправленные драгоценности.

Серо-голубые, зеленовато-голубые тона необычайной прозрачности. Нельзя оторваться от них сразу и в тоже время стыдно, что так долго, без раздумья погружаешься в бездонные морские глубины.

Но вот еще поворот, вот вспышка, вот пробежавший свет — и в этих очень вежливых, но недоверчивых, а именно опасно — приветливых глазах — все делается сложным и загадочным.

Опасно — возникновение оценки, видимое в глазах этого мага и полубога, опасна постановка собеседника на отдаляющее расстояние.

Ваятель Коктебеля, Киммерийский маг, остатный меж волхвами, Владыка Коктебеля, и вместе с тем, все же до сих пор — парижанин. Всю жизнь почти проведенный в Париже, переводчик Ренье и Верхарна.

Два аспекта сменяются третьим: нежная лазурь глаз превращается в железо... Внезапно, вслед за мгновенным поворотом возникает суровый облик апостола, мятежного протопопа, поднявшегося до Судии и Пророка. Наконец, величественный лик — Максимилиана, вознесенный над горьким Коктебелем сменяется образом скитальца, замкнувшегося в младенчески простом и пророческом одиночестве.

Вот почему трудно в первое время вести разговор, следить за его нитью — невиданной большой значимости образ заграждает уста, уводит затмевающие один другого их блистательные облики, от которых нельзя оторвать глаз. И прав Эренбург в своем гротескном портрете. Он говорит о слушателях, нетерпеливо стремящихся к разгадке Волошина.

«О, читающие в сердцах, напрасно Вы заглядываете под пенсне, ибо глаза его не дневник, но только многогранный словарь»¹.

Глаза его детские ясные... но пройдет мгновенье и страшно неловко становится от излучаемого знания этих глаз. Глаза святящиеся, ласкающие и вместе отдаляющие глаза.

И вот перед этими глазами (не гротескно-эренбургскими, а живыми), уводимый за их широчайшие пределы — чувствуешь и убеждаешься, что этой внешней, обременяющей и тяжелой плоти нет. Внутренние лики, просвечивая стремительными светами идущими с различных высот, уничтожают видимую плоть, делают носителя его легким, легко подъемлющимся на стремнины пророческой мысли. И, среди нас, среди жутких низин современности, разве М. Волошин не миф? Разве сам творец Коктебеля, реальный образ, который изваян ветрами на скалах Карадага, — не превратился в редкостный неповторимый на земле миф?²

